

РУССКОЕ ИСКУССТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Елена Алексеевна Склярова^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, Sklyarova2007@yandex.ru

²Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье показана специфика русской ментальности и русского искусства. Отмечается, что русское искусство как самобытный культурный феномен представляет собой отражение в сущностных чертах русской ментальности: стремления к сакральному, абсолютному, всеобщности, соборности, космизму, поиска социальной правды, жертвенности, иррациональности, обращенности к открытым «сердцем» истинам, справедливости, милосердию.

Ключевые слова: искусство, ментальность, русская ментальность, соборность, всеединство, космизм, цивилизация, «культура отмены», геополитическое противостояние

Для цитирования: Склярова Е. А. Русское искусство как отражение русской ментальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 252–257. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-252-257>

RUSSIAN ART AS A REFLECTION OF RUSSIAN MENTALITY

Elena A. Sklyarova^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Sklyarova2007@yandex.ru

²Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article shows the specifics of the Russian mentality and Russian art. It is noted that Russian art as an original cultural phenomenon is a reflection in the essential features of the Russian mentality: the desire for the sacred, the Absolute, universality, catholicity, cosmism, the search for social truth, sacrifice, irrationality, turning to open "heart" truths, justice, mercy.

Keywords: art, mentality, Russian mentality, catholicity, unity, cosmism, civilization, "cancellation culture", geopolitical confrontation

For citation: Sklyarova E. A. Russian art as a reflection of the Russian mentality. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):252–257. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-252-257>

Что есть искусство? Вид деятельности, мировоззренческая форма, манера отражения действительности, тип познания, результат творческой активности субъекта или, в дополнение к перечисленному – набор приемов, позволяющих человеку запечатлеть реальность в художественных образах и символах? В искусстве воплощаются мастерство, опыт, ловкость, сноровка (лат. *experimentum*). Тогда, в самых общих чертах, это один из способов преобразования мира, формирования культуры – искусственной среды, созданной человеком. Если мы обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, то найдем: «Искусство также противоплагается

природе и тогда означает всякое дело рук человеческих» [1, с. 52], и здесь же: «Искусство половина святости, лицемерие, лукавство» [1, с. 52]. Родственные слова «искушать», «искусить» рассматриваются как в значении опытным путем убеждаться в образе мыслей, чувств, действий и поступков, так и в значении совращать с пути истины, блага.

Искусство как святость и лукавство в опытной деятельности человека! Этот парадокс является отражением противоречивости самого человека, с одной стороны, стремящегося воспроизвести, сохранить и транслировать посредством художественных форм объективность, в этом стремлении создать произведение, в котором были бы воплощены высшие этические идеалы, с другой, – зависимость от субъективности, «самости», «лукавого». Эти две природы (святость и лукавство) переплетены в русском искусстве и на различных этапах исторического развития обладают разной степенью своего выражения. Русское искусство периода Киевской Руси, Московского царства (иконопись, зодчество) ориентировано на воспроизведение высшего образца, священного образа художественными средствами. Сохранение иерархии: высокое/низкое – неотъемлемая черта классического искусства. Модерн разрушает иерархию, постмодерн располагает высокое/низкое на одной плоскости, и закономерное развитие событий постсовременности – выстраивание новой иерархии низкое/высокое, где в качестве образца могут выступать и внедряться пошлость, ложь (кривая гримаса «лукавого»).

Искусство как самый «чувствительный орган» человечества, мгновенно реагирует на мировоззренческие сдвиги, является отражением ментальности. Понятие ментальности было введено в философский дискурс основателями французской исторической школы «Анналы» Люсьеном Февром [2] и Марком Блоком [3], которые заимствовали его у Люсьена Леви-Брюля. Ментальность в их интерпретации – это умонастроение, склад ума, коллективная психология, определенное мировосприятие людей, принадлежащих одной культуре, истолкование своего природного и социального окружения, самих себя. В ментальности укоренены верования, ценности, политические убеждения, нравственные суждения, стиль мышления, человеческие настроения, особенности традиции, манера поведения, специфика образа жизни человека.

Современный мир многолик. Идея глобализации, подаваемая в ключе объединения человечества на основах западного либерализма, показала свою несостоятельность. Мы придерживаемся позиции, согласно которой в истории развития человеческого общества выделяются различные типы цивилизаций (культурно-исторические типы), характеризующихся специфическими чертами (П. Сорокин, О. Шпенглер, С. Хантингтон, В. В. Жириновский). Эти черты формируются в конкретном географическом и историческом пространстве, проявляются в национальном менталитете. По И. Гердеру: «характер представлений каждой нации глубоко запечатлелся потому, что он ей принадлежит, связан с ее небом и ее землею, возник из ее образа жизни, унаследован ею от отцов и дедов» [4, с. 231]. Национальный характер зависит от единства природы и образа мышления, культурной целостности (Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, Г. Д. Гачев). Менталитет является смысловым фокусом цивилизации, а: «Поскольку существует самостоятельная российская цивилизация, то именно русский менталитет во многом определяет ее глубинный внутренний смысл» [5, с. 11].

Несомненно, русский менталитет – феномен многогранный. Выделим лишь некоторые, на наш взгляд, основные сущностные признаки, создающие его своеобразие и уникальность. Во-первых, – стремление к сакральному, Абсолютному; во-вторых, – всеобщность, соборность, космизм; в-третьих, – поиск социальной правды, жертвенность; в-четвертых, – иррациональность, обращенность к открытым «сердцем» истинам.

Слова Л. П. Карсавина о том, что «Идея культуры должна определяться через отношение к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе» [6, с. 167] являются свидетельством направленности русской философской мысли, в которой укоренены чаяния, умонастроения русского народа в их поиске Абсолюта.

Отражением духовного поиска, обращенности к Высшему, стремления постигнуть тайну мира Горнего является русское искусство XIV–XVI вв.: икона, фреска, миниатюра. Иконопись на Руси почиталась как самое совершенное из искусств, считалось, что «хитрость иконная» [7, с. 103] дана самим Богом, в иконе запечатлены божественные образы, передающие миру дольнему знание о высшем этическом идеале.

С помощью каких художественных средств, применяемых иконописцами, достигается то мощное воздействие иконы на характер впечатлений человека, который оказывается перед ней «лицом к лицу»?

Одним из таких средств является обратная перспектива, с помощью которой достигается освобождение восприятия от субъективности взгляда из одной точки, неизбежно порождающего перспективу. Павел Флоренский отмечает, что изначальное непризнание власти перспективы существовало «*ради религиозной объективности и сверхличной метафизичности*» [8]. Нарушение перспективы, плоскостное изображение – это не наивность и «детскость» живописи, а сознательное следование особой системе изображения и восприятия действительности: «Да и психологически невозможно представить себе, чтобы, в течение многих веков, сильные и глубокие люди, строители своеобразной культуры, не сумели бы заметить такого элементарного, такого непреложного и, можно сказать, вопиющего о себе факта, как схождение параллелей к горизонту» [8].

В русской иконописи фигуры изображаются бесплотными, невещественными, облачение полностью скрывает тело, в лицах индивидуальные черты нивелированы, нет намека на портретные изображения, небо и земля представляются разными уровнями бытия.

Виктор Никитич Лазарев подчеркивает, что русская иконопись – искусство светлое и радостное, в нем нет суровой византийской созерцательности и западноевропейской готической экспрессивности: «Ее сияющие краски, сильные и яркие, ее ритмичные силуэты, певучие и мягкие, ее просветленные лики, ласковые и поэтичные, ее эпическое настроение, спокойное и сосредоточенное, – все это вызывает у зрителя ощущение какой-то внутренней легкости, когда все противоборствующие страсти приведены в согласие и когда возникает то особое чувство гармонии, которое рождается при звуках совершенной музыки» [9].

Иной лик (ирония и лукавство) ярко выражены в сюжетных линиях современного искусства. На примере творчества Гелия Коржева (1925 – 2012) мы видим обращение к библейским Адаму и Еве, представшими перед нами в образе Адама Андреевича и Евы Петровны. Лишенные «рая», потерянные на Земле люди постперестроечной эпохи, сбившиеся с пути истины, блага, но сохранившие достоинство (Коржев Гелий. Адам Андреевич и Ева Петровна. 1998. Дар Фонда поддержки Государственной Третьяковской галереи. 2017).

Идеи соборности, всеединства, космизма, которые получили свое обоснование в трудах Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, В. В. Розанова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, отражают глубоко укорененное в природе русского менталитета стремление единству, преодолению любых форм ограниченности, выходу за пределы рамок личности (индивидуализма), рамок материально-предметных (мира Земли). По Н. А. Бердяеву: «Углубленное сознание должно прийти к идее космической общности, т.е. общности, размыкающейся и вступающей в единение с мировым целым, с мировыми энергиями» [10, с. 129].

Единство и общность в различных формах проявления: Божественной Троицы – Отца, Сына, Святого Духа; Истины, Добра и Красоты, Мира Горнего и Мира Дольнего; Бога, Вселенной и Человека; религии, философии и науки; «я» и «ты».

Высший идеал нераздельности воплощен в образе «Троицы» Андрея Рублева (около 1360 – 17 октября 1428 или 29 января 1430, Москва). Павел Флоренский так описывает икону: «Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число «три», не чаша за столом и не крила, а внезапно сдернутая пред нами завеса ноуменального мира, и нам, в порядке эстетическом, важно не то, какими средствами достиг иконописец этой обнаженности ноуменального и были ли в чьих-либо других руках те же краски и те же приемы, – а то, что он воистину передал нам узренное им откровение» [11].

В русском искусстве начала XX века мечтания о всемирной любви, стране благоденствия нашли своеобразное преломление в творчестве Николая Константиновича Рериха (1874 – 1947). В религиозно-философском учении Рерихов (Николая Константиновича и Елены Ивановны), названном Агни-йога или Живая этика, отчетливо прослеживается желание масштабных мировых преобразований на основе синтетической этической системы, вобравшей духовные ценности Востока и Запада. Академик РАН Яншин А. Л. на Международной общественно-научной конференции

1997 г. отмечал, что «Живая этика», возможно «станет Библией общей религии объединенного человечества» [12].

Истина, Добро и Красота как ключевые категории «Живой этики» Рериха Н.К. в полной мере нашли свое воплощение в его живописи («Матерь Мира», «Синие храмы», «Полуночное», цикл картин, посвященных идеальной стране Востока Шамбале). Примечательны слова Джавахарлала Неру: «Картины его напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследия, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, и мы чувствуем, что мы в долгу у Николая Рериха, который выявил этот дух в своих великолепных полотнах» [13].

Поиск социальной правды, жертвенность, сострадательность – являются смыслообразующими признаками русской ментальности. Известно, что в русском языке есть разграничение слов истина/правда. Бердяев Н.А. отмечал: «Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения» [10, с. 77], также: «Новиков идеи равенства выводил из Евангелия, а не из естественного права» [14, с. 49].

Обличение социального неравенства становится центральной темой русской живописи XIX века. Картины нищенского существования народа, беспросветность и мрачность деревенской крепостнической жизни, женская доля запечатлены в работах В.Г. Перова («Проводы покойника», «Тройка. Ученики мастеровые везут воду», «Дети сироты на кладбище», «Старики-родители на могиле сына», «Дедушка и внучек»), И.Е. Репина («Бурлаки на Волге»), И.М. Прянишникова («Погорельцы», «Калики перехожие»), П.А. Федотова («Сватовство майора»), Н.Г. Шильдера («Сговор невесты»), Я.Ф. Капкова («Вдовушка»).

«Взгляд лукавого», воплощенный в деформациях социальной жизни, был также «схвачен» сюжетными линиями реалистического искусства XIX века: живописи И.Е. Репина («Крестный ход в Курской губернии»), В.Г. Перова («Сельский крестный ход на Пасхе»). На данных картинах выделяются фигуры священников, их сильно «уставшие» лица, участники процессии, далекие от состояния «благоговения».

На ироничных полотнах Федотова П. А («Завтрак аристократа», «Свежий кавалер или Утро чиновника, получившего первый крестик», «Все холера виновата», «Разборчивая невеста», «Жена-модница») мы видим гордыню, тщеславие, алчность, лицемерие.

Склонность русского народа к чувственному созерцанию, душевности, следованию по пути «сердца» отражена в русских иконах, посвященных Божьей Матери. Среди них особое значение в православии имеет икона «Умиление», относящаяся к каноническому иконографическому типу «Елеуса» – «милостивая», в греческой традиции – «сладко любящая», «сладко лобзающая». Образ Богородицы как любящей, благодатной, всепрощающей и милостивой душеспасительнице отличается чувственностью, проникновенностью (Владимирская, Донская, Псково-Печерская иконы Божией Матери).

Характер русского человека противоречив. С одной стороны, в нем присутствуют человечность, доброта, всепрощение, сострадательность, мягкость, смирение, покорность, с другой, – крайняя жестокость, грубость, бунтарство, беспощадность. В «Пропущенной главе» повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкин писал: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» [15].

Тема «русского бунта» была центральной в творчестве Николая Дмитриева-Оренбургского («Стрелецкий бунт»), Эрнеста Лиспера («Соляной бунт», «Медный бунт», «Чумной бунт»), событиям восстания на броненосце «Потемкине» посвящены работы художников Петра Фомина («Вооруженное восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический»), Петра Стрехова («Восстание на броненосце «Потемкин»), Леонида Мучника («Восставшие потемкинцы выносят на берег тело погибшего Григория Вакуленчука»).

Таким образом, мы полагаем, что русское искусство как самобытный культурный феномен представляет собой отражение в сущностных чертах русской ментальности. Понятия русский народ, русская ментальность, фиксирующие общность духовных оснований, языка, культуры, рассматриваются нами в цивилизационном контексте.

Ситуация жесткого цивилизационного геополитического противостояния, возникшая сегодня на мировой арене (Запад – Россия), нагнетается русофобскими настроениями, поддержкой «культуры отмены», остракизмом. Отменить все, что связано с именем России, ее культурой, искусством, вытеснить из исторической памяти народов российские достижения и победы, «исключить» Россию из всеобщей истории человечества – задачи, поступательная реализация которых становится мрачной реальностью. Однако в истории России есть многочисленные примеры достойного ответа внешним вызовам, способствовавшим кристаллизации цивилизационной уникальности и самобытности.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. Т. 2: И – О. М.: Рус. яз., 1999. 779 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 232 с.
3. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.
4. Гердер И. Избранные сочинения. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 392 с.
5. Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект): Автореф. дис. ...докт. филос. наук. Екатеринбург, 2001. 43 с.
6. Карсавин Л. П. Философия истории. С.-Петербург: АО «Комплект», 1993. 351 с.
7. Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Т. IX. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 480 с.
8. Флоренский П. А. Обратная перспектива. Соч. в 4-х т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1999. С. 46-98 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_persp.htm (дата обращения: 01.12.2022).
9. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: Искусство, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=ru&book_id=7&chap=4 (дата обращения: 01.12.2022).
10. Бердяев Н. А. Судьба России. Самопознание. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1997. 544 с.
11. Троица Андрея Рублева. Антология. Священник Павел Аркадьевич Флоренский. М.: Искусство, 1981 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stsl.ru/news/all/troitsa-andreya-rubleva-antologiya-svyashchennik-pavel-arkadevich-florenskiy> (дата обращения: 01.12.2022).
12. Яншин А. Л. Н. К. Рерих и В. И. Вернадский // Рериховские чтения. Материалы Международной общественно-научной конференции. 1997. М.: МЦР, 1999. С. 19-23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://icr.su/rus/evolution/ethics/reviews/> (дата обращения: 04.12.2022).
13. Неру Д. Дань Рериху. – Нью-Дели. 1947 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://icr.su/rus/evolution/ethics/reviews/> (дата обращения: 01.12.2022).
14. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб: Азбука-классика, 2008. 320 с.
15. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид-Пресс», 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus-wingwords-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 08.12.2022).

References

1. Dal V. I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: in 4 volumes. T. 2: I - O. Moscow: Rus. yaz.; 1999. 779 p. (In Russ.)
2. Blok M. *Apology of history or the craft of a historian*. Moscow: Nauka; 1986. 232 p. (In Russ.)
3. Febvr L. *Fights for history*. Moscow: Nauka; 1991. 632 p. (In Russ.)
4. Herder I. *Selected works*. M.-L.: State publishing house of fiction; 1959. 392 p. (In Russ.)
5. Trofimov V. K. *Origins and essence of the Russian national mentality (social and philosophical aspect)*: Abstract of the thesis. dis. ... doc. philosophy sciences. Ekaterinburg; 2001. 43 p. (In Russ.)
6. Karsavin L. P. *Philosophy of history*. St. Petersburg: AO "Komplekt"; 1993. 351 p. (In Russ.)
7. Dmitriev Yu. N. Theory of art and views on art in the writing of ancient Rus'. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences*. T. IX. M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1953. 480 p. (In Russ.)

8. Florensky P. A. *Reverse perspective*. Op. in 4 volumes. T. 3 (1). Moscow: Thought; 1999:46-98 [Electronic resource]. Available from: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_persp.htm [Accessed 12.01.2022] (In Russ.)
9. Lazarev V. N. *Russian icon painting from the origins to the beginning of the 16th century*. Moscow: Art, 2000 [Electronic resource]. Available from: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=en&book_id=7&chap=4 [Accessed 12.01.2022] (In Russ.)
10. Berdyaev N. A. *The fate of Russia. Self-knowledge*. Rostov-on-Don: publishing house "Phoenix"; 1997. 544 p. (In Russ.)
11. *Andrey Rublev's Trinity. Anthology. Priest Pavel Arkadyevich Florensky*. Moscow: Art; 1981 [Electronic resource]. Available from: <https://stsl.ru/news/all/troitsa-andreya-rubleva-antologiya-svyashchennik-pavel-arkadevich-florenskiy> [Accessed 12.01.2022] (In Russ.)
12. Yanshin A. L. N. K. Roerich and V. I. Vernadsky. In: *Roerich Readings. Materials of the International social-scientific conference*. 1997. Moscow: MCR; 1999:19-23 [Electronic resource]. Available from: <https://icr.su/rus/evolution/ethics/reviews/> [Accessed 04.12.2022] (In Russ.)
13. Nehru D. *Tribute to Roerich*. - New Delhi. 1947 [Electronic resource]. Available from: <https://icr.su/rus/evolution/ethics/reviews/> [Accessed 12.01.2022] (In Russ.)
14. Berdyaev N. A. *Russian idea*. St. Petersburg: Azbuka-klassika; 2008. 320 p. (In Russ.)
15. Serov V. *Encyclopedic dictionary of winged words and expressions*. Moscow: Locky-Press; 2003 [Electronic resource]. Available from: <https://rus-wingwords-dict.slovaronline.com/> [Accessed 12.08.2022] (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Склярлова – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры «Философия и мировые религии» ДГТУ.

Information about the author

E. A. Sklyarova – Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy and Methodology of Science of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА; Professor of Department of "Philosophy and World Religions" of Don State Technical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.